

ЯРОСЛАВ ПОЛИЩУК

ЭПОХА *HOMO SOVIETICUS* И ЕЕ ПРИЗРАКИ: О ТВОРЧЕСТВЕ СВЕТЛАНЫ АЛЕКСИЕВИЧ

Интрига вокруг присуждения Нобелевской премии по литературе в 2015 году привлекла всеобщее внимание к явлению, которое долгое время остается в тени мировой общественной мысли. Именно это явление репрезентирует нынешний лауреат Нобеля Светлана Алексиевич, причем не одной книгой, а целым своим творчеством. Теперь, когда писательницу удостоили почетного звания, когда она получила мировое признание за свою литературную деятельность, можно спокойно поговорить о своеобразии ее таланта. И также о том, что она считает основой своего творчества и что, с другой стороны, доставляет ей столько непонимания и недругов – как в странах бывшего Советского Союза или Восточного блока, так и на Западе.

Светлану Алексиевич считают белорусской писательницей, но пишет она, как известно, на русском языке. Да и начинала она в далекие 1980-е годы как «советская писательница», причем от этого прошлого не отказывается, признавая его как своеобразную исходную позицию своего творческого пути. Нелояльность по отношению к политическому режиму президента Лукашенко на родине привела Алексиевич к изгнанию, так что теперь она определенное время жила за границей, преимущественно в Германии. Формулировка Нобелевского комитета в этот раз была необычной. Светлана Алексиевич награждена премией за полифоничность творчества, которое расценивают как «памятник страдания и мученичества в наше время». Следует признать, что таким образом белорусская писательница была отмечена за ее существенный вклад в искоренение могущественной советской

Ярослав Полищук – доктор филологических наук, профессор, Кафедра украинистики Института русской и украинской филологии Познаньского университета имени Адама Мицкевича, e-mail: yaropk@gmail.com

пропаганды, которая оказалась чрезвычайно действенной и влиятельной в современной России, но частично также сохранила свое влияние на Западе.

Действительно, все предыдущие книги С. Алексиевич были посвящены последовательному разоблачению советских мифов и возвращению трудной, порою очень болезненной, правды о жизни в СССР и современных государствах, созданных на ее руинах, – главным образом, России и Белоруссии. Первые из этих произведений появились еще в эпоху СССР, причем они определенным образом детонировали это, в свое время монолитное и дееспособное, государство. Это книги публицистики *У войны не женское лицо* (1985) и *Последние свидетели. Сто недетских рассказов* (1985). Вслед за этими дебютными произведениями пришли книги-развенчания о Афганистане: *Цинковые мальчики* (1989), *Очарованные смертью* (1993), в которых автор вторгалась в запрещенную тему и прослеживала судьбы тех, кто стал жертвой необъявленной афганской войны. Дальше появилась мужественная исповедь об атомной катастрофе – *Чернобыльская молитва* (2006). И наконец – *Время секунд-хенд* (2013), книга, определенным образом подытоживающая предыдущий опыт писателя и публициста.

Светлана Алексиевич – блестящий мастер репортажа, так называемой литературы факта. Она безошибочно предопределяла самые горячие темы своего времени. Фактически ее творчество – это бесстрашная диагностика таких тем, без излишней стыдливости и лукавства. То, о чем пишет С. Алексиевич, не нравится власти и официальным историкам, но это не удивительно. Ведь она выявляет спрятанную от общества правду о нашем времени, докапывается до истины сквозь завалы государственной лжи, полуправды и замалчивания острых проблем. Находит свидетелей, о которых давно забыли, а также факты и воспоминания, которые до сих пор оставались не востребованными. И в этом проявляется безусловный талант белорусской писательницы.

В жанровом смысле книги Светланы Алексиевич представляют собой определенное гибридное качество, которое, кроме всего прочего, хорошо передает сущность нашего времени и сущность эволюции самой литературы. Ведь сейчас ценится именно своеобразное сочетание художественного и документального элементов. Такая литература вырастает из личного опыта, с частных впечатлений «заурядных свидетелей», сквозь которые – часто довольно-таки неожиданно – проявляется что-то очень существенное, претендующее на общую характеристику целой эпохи. Ее появление связано со следствиями глобального процесса, в ходе которого большие и всеохватывающие повествования (нарративы) постепенно утратили свое значе-

ние, причем в нашем случае это усугубляется также радикальной перестройкой геополитических и геокультурных конфигураций Восточной Европы, связанных с исчезновением Советского Союза и его стран-сателлитов в конце 80-х – начале 90-х годов XX века. Так или иначе, творчество Светланы Алексиевич невозможно понять вне геополитических контекстов нашего времени, с характерной для него стремительной динамикой роста, развития и противоречий. Писательница сознательно пытается строить новую культурную парадигму вместо утратившей свою функцию. Она заполняет ту эстетическую нишу, о которой в культурной антропологии сегодня пишут одновременно с разочарованием и надеждой, как, например А. Менцвель (Andrzej Mencwel):

Można się zgodzić bez żalu i sporu, że upadły „wielkie narracje”, i to te, które dawniej i lepiej nazywano „ideologiami”. Ale nie jest prawdą, że pozostały nam już tylko nieuchronnie rozproszone, indywidualne dekonstrukcje. Tu, w tej części Europy, zwanej „młodszą”, „środkową” lub „centralną” potrzebujemy ciągle opowieści „średnich” i „małych”...¹

Литература, проецирующая на текст пережитую действительность, может обретать три качества, то есть становится либо литературой эксперимента, либо литературой внутреннего переживания, либо литературой свидетельства, как замечает польский литературовед Рышард Ныч (Ryszard Nycz)². В произведениях Алексиевич присутствуют все три качества, однако в основном они посвящены анализу и обобщению внутренних переживаний персонажей. И в этом проявляется жизненная убедительность и художественная сила её книг. Ведь отдельные свидетельства, собранные вместе, могут перерасти свою непосредственную функцию и апеллировать к более широкой общественной рефлексии. Во всяком случае, так бывает в условиях посттоталитарных стран, когда прошлое оборачивается неувоенными уроками и непроработанными травмами. Преодоление таких травм становится задачей непростой, направленной на перспективу. Как замечает Анна Мах (Anna Mach), реферируя труды видных американских ученых, современное понятие «посттравматическая культура» охватывает не только тех, кто действительно пережил травму, но и тех, кто оказался под влиянием искусства и культуры, инспирированной травматическим опытом XX столетия.

¹ А. МЕНЦВЕЛЬ, *Wyobrażenia antropologiczne. Próby i studia*, Warszawa 2006, s. 217.

² R. NY CZ, *Literatura nowoczesna wobec doświadczenia*, „Teksty Drugie” 2006, nr 6, s. 66.

Поэтому посттравматическая культура – это «przede wszystkim paradygmatyczny horyzont interpretacyjny: dyskurs i jego przedmiot»³.

В последней из опубликованных книг Алексиевич определяет нашу постэпоху, своеобразно зависшую между коммунистическим прошлым и молодым капитализмом, как время *second hand*. В чем-то существенном эта дефиниция, безусловно, удачная, она чётко передает вторичность той культурной модели, которую репрезентируют сегодня страны, возникшие на основе бывшего СССР. С одной стороны, это общество, не пережившее травмы своего прошлого, не очистившееся от его тяжких грехов, не покаявшееся. С другой же стороны, новый капиталистический строй тоже выглядит в нём поверхностным копированием западных образцов, он остается до сих пор не осмысленным и не затребованным как идеологическая модель; именно поэтому вызывает множество сомнений и упрёков со стороны общественного мнения. Словом, человек в постсоветском пространстве живет так, как будто ощущает себе в супермаркете дешёвых, уже бывших в употреблении вещей. *Second hand* стал общедоступным, но от этого не изменилась его суть, так как выбирать приходится из вещей, уже служивших раньше кому-то. В этом метафора современного состояния людей, чувствующих себя причастными к СССР, довольно-таки удачная.

Может показаться, что писательница немного преувеличивает, когда видит наше время исключительно в черно-серых цветах, когда недооценивает то доброе, что оно в себе содержит. Ведь со времени СССР изменилось много, причем изменилось радикально. Однако у Светланы Алексиевич своя логика. Она ставит во главу угла конкретные человеческие истории, а именно: человек, его ментальность, амбиции и фобии – все это доказывает, что советская эпоха не вполне изжита, она своеобразно продолжается в сознании людей. Более того, она определяет их жизненные приоритеты, объясняет пережитые личные драмы и поражения. Не залеченная вовремя рана прошлого травматического опыта опять и опять апеллирует к сознанию общества, апеллирует к необходимости всеобщего покаяния. От неё никуда не спрятаться. Её рано или поздно все равно придется признать. Ибо «вся наша беда в том, что у нас палачи и жертвы – это одни и те же люди»⁴. Но пока что этого не происходит, и перспектива покаяния уходит в неизвестность:

³ А. МАСН, *Polska kondycja posttraumatyczna – próba diagnozy*, [w:] *Kultura po przejściach, osoby z przeszłością*, red. R. Nycz, Kraków 2011, s. 219.

⁴ См.: С. АЛЕКСИЕВИЧ, *Время секонд хенд*, Москва 2014, с. 276.

«Не придумывайте себе народ: какой он, наш народ, хороший. Покаяться никто не готов. Это великий труд – покаяться»⁵.

Произведения Светланы Алексиевич направлены на последовательное развенчание героических мифов советской пропаганды. В этом и величайший успех писательницы, и её внутренняя проблема, потому что советская ментальность остается незалеченной раной точно так же для самого автора, как и для его героев. В целом документальные книги Алексиевич хорошо вписываются в постколониальную парадигму культуры. Вольно или невольно, писательнице приходится дискредитировать «великий нарратив», выстраиваемый на протяжении нескольких поколений советской литературой. И парадокс здесь состоит в том, что сама Светлана Алексиевич как писатель формировалась в значительной мере на уроках этой советской традиции. Поэтому разоблачение *homo sovieticus* – это в определенной степени болезненный опыт, самокритика и самобичевание. Официально признанные советские писатели 1980-х годов всячески прославляли советского человека, утверждали его культ, укрепляли власть имперского Центра, согласно схеме колониального влияния, описанной в свое время Эвой Томпсон (Ewa Thompson):

Typowo imperialna literatura pełna jest bohaterów-zdobywców, odnoszących sukces przedsiębiorców lub właścicieli ziemskich, którzy są w stanie objąć stanowiska przywódcze w przestrzeniach publicznych oraz innych wielkich narracjach o dużym kulturowym i politycznym potencjale. Akumulacja tektów przywołujących te i inne pozytywne obrazy i sposoby postrzegania Centrum homogenizuje grunt kulturowy, na którym stoją kolonialności. Taka akumulacja jest nośnikiem ich władzy⁶.

Что же касается Алексиевич, то она, как и писатели-диссиденты, последовательно, шаг за шагом, дискредитирует этот советский миф, противопоставляя своих героев «трубадурам империи». С другой стороны, устойчивый интерес писательницы вызывают люди, которые пострадали от коммунистической системы или до сих пор испытывают на себе её травматическую печать. Именно им отдается предпочтение, именно они формируют своеобразный гуманистический этос произведений белорусской писательницы.

⁵ Там же, с. 291.

⁶ Е.М. ТОМПСОН, *Trubadurzy Imperium. Literatura rosyjska i kolonializm*, przekład A. Sierszulska, Kraków 2000, s. 310.

Характеристика Светланой Алексиевич нашего времени как второстепенного и промежуточного – не новая. Но она предполагает анализ самой важной проблемы переходного периода, заключающейся в качестве человека. Переходя в другое время, в другое цивилизационное измерение, мы забыли, что делаем это с человеком, воспитанным в советской традиции и абсолютно не пригодным к такой радикальной трансформации. И поражения молодой демократии, как убеждает писательница, нередко коренятся именно в этом: в неспособности человека к активной позиции, в традиционных суждениях на несправедливость и в наивной вере в добрых правителей, в патерналистской иллюзии. С другой стороны, общество тоталитарного типа, не очистившееся от прошлых преступлений, не познавшее покаяние, обречено на повторение ошибок прошлого. «Красный человек» Светланы Алексиевич словно заблудился в заколдованном кругу и не способен найти выход из него. Возможно, нужна смена не только времен, но и поколений, идеологий, ценностных ориентиров, чтобы это случилось, чтобы выйти из заколдованного круга истории?

Оценки писательницы субъективны, но она и не претендует на абсолютную истину. Именно эта подчеркнутая субъективность придает ее повествованию пластичность и убедительность. Ведь в оценках ситуации содержится не только рациональная позиция автора, но и эмоциональные, чувственные, интуитивные нотки. Белорусская писательница стала отважным и бескомпромиссным летописцем человеческих историй, травматических в своей сущности, нередко шокирующих читателя своей искренностью и эксклюзивностью. Её персонажи уникальны тем, что своеобразно фокусируют в себе основоположные проблемы своего времени. Они так или иначе зависимы от своего советского прошлого, ностальгируют по нему, опять и опять возвращаются к нему в воспоминаниях и суждениях о современности. Исследуя проблему советского прошлого, Алексиевич постигает его существо глубоко: она воспринимает коммунизм не как идеологию, а как самоотверженную веру, своеобразную религию, объединявшую в свое время все общество, в том числе, как это ни парадоксально, палачей и их жертвы. Один из персонажей *Времени секунд хенд* так и заявляет: по законам логики это невозможно рассудить, только «по законам религии». Итак, одни вспоминают прошлое как время своей абсолютной власти и силы, а втайне мечтают о возвращении правителя «железной руки», Сталина. Они считают, что состояние свободы в обществе переходное и оно неизбежно сменится новой диктатурой и террором. Другие же, наоборот,

воспоминают прошлое (репрессии, страдания, лагерь, жизнь на грани) как время испытаний, в котором человек безошибочно проявляет свою настоящую сущность. Есть еще и третья группа героев: это успешные люди, которые уже в условиях нового российского капитализма обрели себя на родине (или эмигрировали из неё), но и они время от времени возвращаются в оценке советского прошлого как исходной точки своих жизненных исканий.

Что объединяет этих различных персонажей? Ясное дело, опыт советского прошлого: все были гражданами СССР, все были современниками и участниками русского культурного мира XX столетия, все вынесли из него, переходя в новую капиталистическую действительность, привычки и стереотипы советского человека. Все, таким образом, находятся под влиянием выработанной в свое время советской системы ценностей, несмотря на то, были ли они её активными носителями, или, наоборот, жертвами репрессий и диссидентами. Так или иначе, типичные герои Алексиевич оказываются людьми, глубоко увязшими всем своим сознанием в прошлом, и это составляет непреодолимую преграду на пути их адаптации к современным условиям жизни и быта. И только отдельным из них удаётся сохранить собственное достоинство, индивидуальное «я», не раствориться в единомышленном общественном порыве к коммунистической утопии. Этим они вправе гордиться, как уникальным опытом преодоления обстоятельств. Писательница Мария Войтешонок, героиня документального рассказа *История одного детства*, что составляет один из разделов книги *Время секунд хенд*, так резюмирует свою историю:

Мне больно, но это – моё. Я никуда от него не бегу... Не могу сказать, что я всё приняла, благодарна за боль, тут нужно какое-то другое слово. Сейчас я его не найду. Знаю, что в этом состоянии я далеко от всех. Я одна. Взять страдание в свои руки, обладать им полностью и выйти из него, что-то оттуда вынести. Это такая победа, только в этом есть смысл. Ты не с пустыми руками... А иначе зачем было спускаться в ад?»⁷. И далее – о том, как был приобретен опыт, ставший экзистенциальным опытом, длиной в человеческую жизнь. «Кто мне это дал? Все это... Бог дал или люди? Если Бог дал, то он знал, кому давать. Страдание меня вырастило... Это моё творчество. Моя молитва»⁸.

Документальные рассказы Светланы Алексиевич характерны также тем, что их персонажи – кто-то в большей, а кто-то в меньшей мере – преодолели

⁷ С. АЛЕКСИЕВИЧ, *Время секунд хенд*, с. 241.

⁸ Там же, с. 246.

вают страх, унаследованный от советского прошлого. Это – необходимое условие, потому что рассказать – значит нарушить табу молчания, выйти из зоны молчания, дистанцироваться от травмы прошлого, которая живет в каждом из этих людей. Страх говорить, страх сознавать правду, страх признаваться в бывших ошибках или преступлениях. Известно, что в старые советские времена все было буквально пронизано страхом, он считался чуть ли не самой характерной особенностью советского человека. Причем – не только обычных тружеников, но и элиты, высшего руководства государства. «Страх – вот что определило сознание и поведение тех, кого мы попытались типизировать и классифицировать; индивидуальное, личное, частное отношение в всеобщему страху... Способность его обуздать или уже целиком отдаться во власть страха, став его заложником»⁹, - отмечает известный исследователь советской литературы С. Рассадин. Заметим: страх, заложенный в свое время советской системой, до сих пор остается действенным, он даже передается в наследство следующим поколениям, которые непосредственно его не чувствовали.

Нет случайности в том, что среди персонажей Светланы Алексиевич преимущественно женщины. Так повелось еще со времен её первой книги *У войны не женское лицо* (1985), в которой история самого кровавого конфликта была изложена в женских воспоминаниях, и, таким образом, кардинально расходилась с официальной версией войны, известной из учебников и фильмов в Второй мировой. Женщина, как подмечает писательница, видит и воспринимает мир иначе, чем мужчина, она по-другому преодолевает жизненные преграды: без пафоса и надрыва, зато упрямо, шаг за шагом, с ощущением своей особой миссии – перед детьми, перед родом и народом, перед целым миром. Именно поэтому женские истории оказываются наиболее благодарным и пластичным материалом для очерков Светланы Алексиевич. Здесь, несомненно, интенция писателя сходится со спецификой материала, им же избранного и осмысленного в художественном произведении. С одной стороны, Алексиевич шокирует напором ужасной, циничной, brutальной силы и лжи, которая отразилась в судьбе «красного человека» в XX столетии. Но с другой стороны, она удивляется той невообразимой силе воли, которую человек оказался в состоянии противопоставить самым ужасным условиям существования, чтобы выжить и победить, любой ценой.

⁹ С. РАССАДИН, *Советская литература. Побежденные победители: почти учебник*, СПб 2006, с. 149.

Многочисленные человеческие голоса, с помощью которых белорусская писательница заполняет пространство своих книг, в частности *Времени секунд хенда*, в своей совокупности вполне резонно могут претендовать на голос своего времени, советской и постсоветской эпохи. Это, кстати сказать, не только русские и белорусы. Среди героев новой книги – евреи, поляки, таджики. Общим для их всех является определение «советский человек», ведь советское воспитание (круг чтения, кино, песни, анекдоты и пр.) сформировало из них некую устойчивую общность. Ассимиляционная политика СССР систематически нивелировала национальные и региональные особенности, в чем нас убеждает Алексиевич – не только на примере своих героев, но и на собственном примере, как это ни парадоксально. Остались только общие ценности, культивированные массовой пропагандой, – русский язык и советские культурные мифы, от которых очень трудно отказываться теперь всем, кто когда-либо в них поверил.

Сама писательница тоже во многом проявляет неоднозначную или четко не очерченную идентичность. Известно, что в настоящее время она проживает на Западе, вдали от родины, и пишет на русском языке. Более того, идентифицирует себя с русским культурным миром как собственным наследием, с которого многое почерпнула и дальше черпает. Это замечательный прецедент. Видимо, Светлана Алексиевич стала носителем той своеобразной идентичности, которая нередко растворяется в «русском духе» (ментальность, характер, мировосприятие), хотя вопрос о самоопределении остается, в конечном счете, открытым. Тот факт, что в ее роду смешались белорусские, русские и украинские корни, это во многом объясняет. И все-таки Алексиевич четко осознает, что сегодня «русский мир» с культурного стал политическим проектом, причем со спекулятивной силой влияния в странах бывшего СССР. Она признает себя наследницей традиций русской литературы – Толстого, Достоевского и Чехова, но не сторонником современных практик российского государственного аппарата, направленных на «собираание земель» бывших республик и манипулирование сознанием *homo sovieticus*, которых до сих пор так много на постсоветском пространстве.

На первый взгляд, последняя книга Светланы Алексиевич – это коллекция отдельных человеческих историй, записанных и воспроизведенных с невероятной искренностью и живостью. Нередко за такими историями стоят, без преувеличения, сюжеты романного или трагедийного формата. В своей множественности эти рассказы создают цельный образ, многократно превышающий силой влияния отдельные, частные рассказы, кон-

кретные исповеди отдельно взятых свидетелей. Они определяют историческую трагедию «красного человека», ибо разрушение этой иллюзии происходит на наших глазах на Востоке Европы, причем процесс этот очень непростой, длительный и болезненный. В своем творчестве С. Алексиевич хорошо иллюстрирует тезис о том, что не существует мелких тем, не заслуживающих внимания. К опыту советского прошлого приходится возвращаться, и это неизбежно. Однако ответственная, гражданская позиция писателя состоит именно в том, чтобы признавать потребность осмысливать прошлое и его травматические страницы, а не замалчивать их. От этого, в конечном итоге, зависит моральное здоровье того общества, которое находится на пути трансформации, его способность принять вызовы нового времени, а не уклоняться от них и отстать от мира окончательно. И книги Светланы Алексиевич кажутся очень актуальными в таком контексте. Ибо они учат тому, как избавиться от культа «красного человека», ставшего фатальным для прошлой эпохи и приведшего к краху СССР.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексиевич С., *Время секунд хенд*, Москва 2014. [Aleksiyevich S., *Vremya sekundk hend*, Moskva 2014].
- МАСН А., *Polska kondycja posttraumatyczna – próba diagnozy*, [w:] *Kultura po przejściach, osoby z przeszłością*, red. R. Nycz, Kraków 2011.
- МЕНЦВЕЛ А., *Wyobraźnia antropologiczna. Próby i studia*, Warszawa 2006.
- NYCZ R., *Literatura nowoczesna wobec doświadczenia*, „Teksty Drugie” 2006, nr 6.
- РАССАДИН С., *Советская литература. Побежденные победители: почти учебник*, СПб 2006. [RASSADIN S., *Sovetskaya literatura. Pobezhdennyye pobediteli: pochti uchebnik*, Sankt-Peterburg 2006].
- THOMPSON E.M., *Trubadurzy Imperium. Literatura rosyjska i kolonializm*, przekład A. Sierszulska, Kraków 2000.

ЭПОКА *HOMO SOVIETICUS* А JEJ UPIORY: О ТВОРЧОСТИ СВИЕТЛАНЫ АЛЕКСИЕВИЧ

Streszczenie

Autor rozważa twórczość Swietłany Aleksijewicz w szerokim cywilizacyjno-kulturowym kontekście naszego czasu. Sama pisarka przynajmniej obrazuje koniec epoki *homo sovieticus*. Jej uwagę przyciąga przede wszystkim doświadczenie istoty traumatycznej z tamtej epoki, niezależnie od tego, czy pochodzi od osób będących czynnymi budowni-

czymi systemu sowieckiego, czy też od tych, którzy od niego cierpieli, represjonowanych i dysydentów. Całokształt twórczości Swietłany Aleksijewicz charakteryzuje patos humanistyczny, nacelowany na rewaloryzację indywidualności i prywatności we współczesnym społeczeństwie.

Słowa kluczowe: pisarz; „czerwony człowiek”; naród; doświadczenie; trauma; dzieło; epoka.

HOMO SOVIETICUS EPOCH AND ITS GHOSTS:
ABOUT SVETLANA ALEKSIEVICH'S WRITINGS

S u m m a r y

The article dedicated to the Svetlana Aleksievich literary works in the cultural and social context of our time. As writer has recognized, she writes about the end of the epoch which was called *homo sovieticus*. She paid a great attention to the traumatic experience and doesn't matter whom it belongs: to the soviet servants or theirs victims – that ones who was repressed and called as dissidents. Humanistic pathos is one of the main feature of Svetlana Aleksievich's writings. It overestimates the value of individuality and private life in the contemporary society.

Key words: writer; „red man”; nation; experience; trauma; writing; epoch.

ЭПОХА *HOMO SOVIETICUS* И ЕЕ ПРИЗРАКИ:
О ТВОРЧЕСТВЕ СВЕТЛАНЫ АЛЕКСИЕВИЧ

Р е з ю м е

Автор рассматривает творчество Светланы Алексиевич в широком цивилизационно-культурном контексте нашего времени. Сама писательница признает, что изображает конец эпохи *homo sovieticus*. Ее внимание привлекает прежде всего травматический опыт этой эпохи, независимо от того, кому он принадлежит: активным созидателям советской системы или пострадавшим от нее, репрессированным и диссидентам. В целом для творчества Светланы Алексиевич характерен пафос гуманизма, нацеленный на возвращение ценности индивидуального и частного в современном обществе.

Ключевые слова: писатель; „красный человек”; народ; опыт; травма; художественное произведение; эпоха.